

РОЗДІЛ 4 ПРОБЛЕМИ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, ФРАЗЕОЛОГІЇ Й ЛЕКСИКОГРАФІЇ

УДК 81'37:81'373.2+2–39

КОМПОНЕНТ САКРАЛЬНОСТІ В СЕМАНТИКЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМОВ)

Бондаренко И.В., к. филол. н., доцент,
доцент кафедры славянского языкознания
Южноукраинский национальный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского

В статье рассматривается сакральность антропонимов как типологическая черта этого класса ономастических единиц, определяется причина двуименности и специфических действий над именами в Древней Руси, природа магического в семантике антропонимов.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, сакральность, христианство, собственные имена, нарицательные имена, коннотация, десигнат.

У статті розглядається сакральність антропонімів як типологічна риса цього класу ономастичних одиниць, визначається причина двохіменності та специфічних дій над іменами в Давній Русі, природа магічного в семантиці антропонімів.

Ключові слова: ономастика, антропонім, сакральність, християнство, власні назви, конотація, десигнат.

Bondarenko I.V. THE COMPONENT OF SACREDNESS IN THE SEMANTICS OF PROPER NAMES (BASED ON ANTHROPONYMS)

Anthroponyms are of particular interest in a substantive aspect. The relevance of their study is determined by the complexity of the distinction of various connotations in their semantics. A proper name and a common name can connotize an almost unlimited number of signs. The main criterion here is that common names express a concept, and own names cannot express concepts. In addition, the meaning, the substantive aspect of a proper name appears to be significantly weakened. This is due to the fact that each proper name designates one object and this object is distinguished by the name from a group (as a rule, a very large group) of homogeneous objects. It is necessary to note such aspect of the matter as the existence and functioning of anthroponyms in language and speech. In speech, a proper name has a much greater degree of variation than in a language. In order to better understand the nature and characteristics of anthroponyms, first of all it is necessary to note their sacredness. The word «sacredness» goes back to the Latin word sacer – «consecrated, holy.»

The name is a totemic symbol, and therefore is magical. In the ancients' understanding the name was a special word. Two people with the same name were connected to each other by mysterious bonds. Thus, we can say that the sacredness of names is a typological feature for human society at a certain stage of development. This feature specifically appears in various kinds of taboos and euphemisms, in the existence of "protective" names, in some specific actions on proper names, such as:

a) the witchcraft action on a name is intended to influence the name bearer in one form or another; b) buying a name – one person buys a name from another, wishing to have the qualities of a name bearer; c) name exchange – deception of the disease demons; d) change of name – change of fate. Actions on names are identical to actions on objects: exchange, purchase. There is nothing like this in other vocabulary groups. The perception that a personal name is capable of influencing the fate of a named being was completely obvious for our.

Key words: onomastics, anthroponym, sacredness, Christianity, proper names, common nouns, connotation, designatum.

Ономастика – особый раздел языкознания, изучающий слово. Ономастика непосредственно и практически всегда пересекается с историей общества, которое порождает собственные имена и отражает в них все этапы своего развития. Кроме того, она прямо или опосредованно связана с географией, этнографией, астрономией и т. д. Каждый из классов ономастических единиц становится объектом

тщательного исследования ученых, и количественное и качественное многообразие этих классов огромно.

Антропонимы, как никакой другой класс, дают эксклюзивный материал для научного анализа, ибо собственные имена, особенно антропонимы, – это сфера повышенной номинации. Кроме того, антропонимы представляют особый интерес в содержательном плане, поскольку эта лексика в

большей степени безэквивалентна, интернациональна и глубока в плане ономастической семасиологии.

Актуальность изучения данного класса собственных имен определяется и сложностью разграничения в их семантике различных коннотаций. С точки зрения Дж. Милла, имена собственные (антропонимы в том числе) обладают большим количеством признаков, чем нарицательные.

Следует признать тот факт, что имя собственное и имя нарицательное могут коннотировать практически неограниченное количество признаков, но по-разному. Например, если мы в некотором контексте (речи) говорим об определенном столе, то слово «стол» коннотирует все признаки, вызывая образ стола. Но, помимо этого, слово «стол» включает именно этот стол и в понятие стола как предмета. Если же в аналогичных условиях встречается имя собственное, то оно, будучи однозначно понятным, вызывает образ своего носителя, а уже этот образ через соответствующее нарицательное название включает носителя имени в нужный понятийный ряд (студент Иванов, Одесский театр оперы и балета).

Главный критерий здесь не количество коннотаций, а то, что имена нарицательные выражают понятие, а имена собственные понятий выражать не могут, а это значит, что необходимо признать границу между собственным и нарицательным в языке однозначной и качественной. Логическим развитием этой точки зрения следует считать различение собственных имен в языке и речи (спорные вопросы, собственно, относятся к речи). Однако привязка именования к одному или многим объектам всегда позволяет достаточно четко определить его статус.

А. Суперанская формулирует эту мысль следующим образом: «В языке как системе (лексической, ономастической) имеется ограниченное количество имен, активных и пассивных» [6, с. 220], а в подавляющем большинстве случаев «собственные имена в языке обычно существуют на правах цитат» [6, с. 217], то есть как факты речи, а не языка. Однако как быть с проблемой знания языка, ибо существует существенная разница между языком и знанием языка, где первое гораздо больше второго. Как быть с возникающими в языке новыми именами собственными или трансформирующимися старыми? Что входит в состав языка: входит существующее, устоявшееся и не входит новое, пока оно не закрепилось в системе языка? Концепция А. Белецкого подчеркивает функциональное назначение имени собственного: 1) функцию класси-

фикации, обобщения (фамилии, названия этнических групп, переходный пласт); 2) функцию индивидуализации.

Мотивы и обстоятельства выбора имени, формы и технологии самого акта номинации исследуются довольно активно (следует отметить работы А. Суперанской, Ю. Карпенко, Е. Отина и др.). Однако закономерности номинации для разных классов собственных имен еще не установлены полностью. Семантическая структура и семантическое развитие антропонимов тоже очень подвижны и подвержены деэтимологизации.

Следует сказать еще об одном важном и специфическом аспекте семантики антропонимов. Значение, содержательный план собственного имени представляется значительно ослабленным. Это обусловлено тем, что каждое имя собственное обозначает один объект и объект этот выделяется именем из группы (как правило, очень большой группы) однородных предметов. И подобно тому, как предмет однороден с другими предметами, собственное имя семантически уподобляется другим именам и теряет свою семантическую объемность (ср. непригодность египетских иероглифов для записи собственных имен). Некоторые ученые даже полагают, что собственное имя вообще не имеет семантики. Это, конечно, крайняя точка зрения, но следует признать, что редукция семантики в собственных именах имеет место.

Необходимо отметить и такую сторону вопроса, как существование и функционирование антропонимов в языке и речи. Форма собственных имен и в равной степени их содержание в речи оказываются индивидуализированными, а в языке эта индивидуализация отсутствует. Объективно это различие проявляется в том, что в речи имя собственное обладает гораздо большей степенью вариативности, чем в языке. При этом варьирование формы материально фиксируется самим собственным именем, а варьирование содержания – его речевым окружением или вообще никак не фиксируется. Говорящий отбирает, фиксирует из множества оттенков значений только апробированное практикой. Любое личное имя содержит два значения: обобщенное – «имя человека вообще», и конкретизированное – «имя данного человека». Последнее значение может иметь несколько языковых реализаций (*Алексей Толстой*, *царевич Алексей*) и огромное множество речевых реализаций (все *Алексеи*, живущие на Земле).

Очень непростой вопрос, касающийся собственных имен, – проблема десигна-

та. Каждое имя собственное должно иметь десигнат (реальный объект действительности). А если такого объекта нет (например, у теонимов)? Исследование теонимов (личных имен божеств) вызывает целый ряд вопросов, связанных с разграничением в их природе собственного и нарицательного. Поэтому теонимы не могут иметь статус имени. Б. Рассел вводит еще один класс имен – «имена вообще». Но здесь происходит подмена понятия десигната как предмета мысли логическим понятием класса несуществующих объектов, поэтому большинство лингвистов считают, что семантическая классификация языковых фактов не может зависеть от факта существования или отсутствия во внелингвистической действительности десигната данного языкового выражения. Факт существования или отсутствия десигната – в аспекте языка – факт случайный. Можно говорить о том, что: 1) язык безразличен к реальности или ирреальности экстралингвистической действительности; 2) то, что ирреально сейчас, не всегда было таковым для определенных языковых коллективов.

Все вышесказанное определяет **актуальность изучения** имен собственных (особенно антропонимов) как явления многогранного, сложного и очень перспективного в качестве объекта исследования. Чтобы лучше понять природу и особенности антропонимов, следует прежде всего отметить их **сакральность**. Слово «сакральность» восходит к латинскому *sacer* – «посвященный, святой».

На начальных этапах истории языка слово носило симпрактический характер, т. е. было вплетено в практику и изолированно от нее не имело самостоятельного значения. Долше всего сохранял симпрактический характер именно ономастикон определенного общества, так как личные имена были тесно связаны с религиозно-обрядовой деятельностью, обосновывающей все стороны человеческой деятельности.

Человек рождается безымянным. Однако «Нет меж живущих людей, да не может и быть безымянных. В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный, имя, как сладостный дар, от родимых своих получает <...>» (Гомер). Выбор того или иного имени для него регламентируется в известных пределах обществом: существует набор имен, правила выбора имени, есть человек, наделенный полномочиями нарекать именем. Человек не может получить имя случайно: слишком многое в его судьбе зависит от личного имени. Причем в древних обществах в условиях суеверий эта зависимость не такая уж фигуральная. И. Кон

пишет: «Индивид был интегрирован в общество не как его автономный член, а как частица целого, немислимая отдельно от него <...>, ни в одном из своих действий он не является исключительным субъектом, в каждом его поступке соучаствуют его сородичи, предки, духи, боги». Такая слитность отдельной личности с общиной обеспечивалась преемственностью родовых имен: считалось, что вместе с именем родственника человек усваивает и некоторые его свойства, т. е. инкопирует его в себе. Личные имена служили не просто обозначением индивида и его родовой принадлежности, но были как бы его составной частью. Отсюда – сложная магия имен.

С точки зрения семасиологии семантические параметры антропонима таковы: внутренняя форма и лексическое значение исходного апеллятива для функционирования имени собственного являются избыточными и легко теряются. Факт – успешное функционирование христианских заимствованных имен у славян, хотя процесс принятия этих имен был достаточно трудным. Исследователь Дж. Томсон в работе, посвященной Эгейскому миру, говорит о специфике антропонимов: «Новорожденного приветствуют как одного из предков рода, как повторное воплощение родового тотема в человеческом образе». Вот почему во всем мире существует обычай называть ребенка в честь кого-нибудь из предков. Имя является тотемическим символом, а потому магично. Известно, что дикари почти всегда неохотно открывают своё имя чужим, это тотемическая тайна. У этих представлений столь глубокие корни, что даже в славянской семье языков слова, обозначающие «имя», «знак», «род» и «знаю», имеют общее происхождение (лат. *nomen, nota, gens, gnosko*). Имя и знак – одно и то же: в звуковой и «видимой» форме они воплощают в их носителе тотем.

Пришедшее на Русь христианство (через Византию) вступило в яростную борьбу с язычеством. В такой борьбе все средства хороши. Был придуман хитроумный ход: все дети получали имена во время обряда крещения и, конечно, только христианские имена. Но первые христиане в Греции и Риме носили вовсе не христианские, а обычные языческие имена. Но позже выработался обычай называть детей в честь человека, прославленного церковью, «святого». Почему? Да потому что имя в понимании древних было особенным словом. Два человека с одинаковым именем были связаны друг с другом таинственными узами. А небесный заступник (тёзка) тем более постарается выручить из беды.

И как же плохо тому, у кого нет тѣзки на небе, кого родители-язычники назвали в честь языческого бога. И совершенно неожиданно славяне попали в затруднительное положение: на Руси еще не могло быть своих святых, а святые не могли быть язычниками. Значит, не было и имен, которые принимала христианская церковь. Приходилось давать детям странно звучащие греческие и иудейские имена. Это было так непривычно, что вскоре установился странный обычай: если верить летописи, первой христианкой на Руси оказалась Ольга, жена Игоря и мать Святослава.

Ольга – варяжское имя (Хельга – «святая»). При крещении Ольга поступила под покровительство умершей матери римского императора Константина и стала Еленой («светлая», «сияющая»). В старых святцах 24 июля двойной праздник в память и Елены, и Ольги. Церковь смирилась с попаданием варяжского имени в христианские святцы, и все-таки она упорно продолжала звать Ольгу «во святом крещении» Еленой. Владимир Красное Солнышко, внук Ольги-Елены, при крещении был наречен Василием (царский). В Остромировом Евангелии (переписчик дьяк Григорий) указывается имя заказчика «в крещении Иосиф, а в миру Остромир» (человек о двух именах). Владимир Мономах стал в крещении Феодором.

Двуименность – обычное дело для старой Руси. Даже Богдан Хмельницкий для церкви – Зиновий. Возникает вопрос: крестильные имена суть славянские имена? Некоторые исследователи считают антропонимы *Богдан*, *Боголеп*, *Богодар* теофорными, языческими, отславянскими именами, поскольку их нет в святцах. И все же это калькированные имена (церковный мудрец первых веков христианства Ориген советовал крестить человека одним именем, а называть другим – калькированным). Традиционно крестильные имена хранились в тайне с целью избежать порчи (отсюда и практика перевода греческого имени на славянский). Если основа имени Бог находится в препозиции, то второй компонент имени имеет значение «дар» либо посвятельное значение: *Богдан*, *Божидар*, *Богумил*, *Богуслав*, *Боголеп*.

Безусловно, носители языка были безразличны к именникам (родители тщательно изучали и изучают имена для своих детей). Психология носителей языка не желает мириться с недостаточной семантикой этих слов. Нет оснований сомневаться, что уже в древнейшие времена у имен собственных происходил отрыв от понятийной стороны, и они успешно функционировали

в таком «ущербном» виде (например, иноязычные имена в документах не переводились). Но с обрядовой, мифологической точки зрения внутренняя форма и значение имени собственного были, очевидно, значимы, о чем свидетельствует ключевое положение имени собственного в магии слова, т. е. антропонимы в глазах древних обладали тайной силой сами по себе.

Таким образом, можно говорить, что сакральность имен является типологической чертой для человеческого общества на определенной стадии развития. Конкретно эта черта проявляется в различного рода табу и эвфемизмах, в существовании «защитных» имен, в некоторых специфических действиях над собственными именами, а именно:

а) *колдовское действие над именем* имеет целью воздействовать в той или иной форме на носителя имени;

б) *покупка имени* – один человек покупает имя у другого, желая обладать качествами носителя имени;

в) *обмен именами* – обман демонов болезни;

г) *изменение имени* – изменение судьбы.

Действия над именами идентичны действиям над предметами: обмен, купля. Ничего подобного нет в других группах лексики.

В какой мере использовались в обыходе разного рода покупные, одолженные и другие имена? Были ли они подобны, например, католическим конфирмационным, которые употреблялись лишь в религиозном контексте? Возможно, древняя традиция употребления у славян прозвищ наряду с именами отражает тот факт, что подлинное имя могло храниться в тайне? Ведь для наших предков совершенно очевидными были представления о том, что личное имя действует как вблизи, так и издали. Оно называет, «накликает» существо и далее служит путем, по которому на человека легко переносятся так называемые «уроки», то есть порча посредством слова. Личное имя способно воздействовать на судьбы называемого существа.

Мы постарались охарактеризовать один из важных аспектов имени собственного (антропонима) – его сакральность, и показать, что собственные имена – это источник богатейшей информации, которым нужно умело пользоваться. Притягательность собственных имен, разноаспектность их изучения позволяет говорить об «ономастическом языкознании» как особом разделе языкознания вообще. Всё вышесказанное, безусловно, не исчерпывает сложности и многообразия

проблемы изучения антропонимов, поскольку язык предоставляет все новые и новые факты для лингвистических (и не только) исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брайчевський М. Утвердження християнства на Русі. К., 1988. 207 с.

2. Забияко А. Язычество: от религии крестьян до кибер-религии. Религиоведение. 2008. № 4. С. 88–103.

3. Карпенко Ю. Літературна ономастика: збірник статей. Одеса: Астропринт, 2008. 328 с.

4. Карпенко Ю. Специфика ономастики. Русская ономастика: сб. научн. трудов. Одесса: ОНУ, 1984. С. 3–16.

5. Суперанская А. Общая теория имени собственного. М., 1973. 320 с.

6. Щедрін А. «Вторинна» міфотворчість як соціокультурний феномен: проблеми релігієзнавчо-культурологічного аналізу: монографія. Х.: ХДАК, 2007. 143 с.